

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Богач и Еремка

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Богач и Еремка: Рассказ / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-95252-1

ISBN 978-5-519-95252-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Снѣжная буря разыгралась. Нѣсколько дней уже стояли морозы, а вчера оттеплѣло, и началъ падать мягкій снѣжокъ, который у охотниковъ называется «порошей». Начинаящую промерззть землю порошило молодымъ снѣжкомъ. Поднявшійся къ ночи вѣтеръ началъ заметать канавы, ямы, ложбинки.

— Ну, Еремка, будетъ намъ сегодня съ тобой пожива...—повторилъ Богачъ, поглядывая въ маленькое оконце своей сторожки.

Собака лежала на полу, положивъ голову между передними лапами, и въ отвѣтъ слегка вильнула хвостомъ. Она понимала каждое слово своего хозяина и не говорила только потому, что не умѣла говорить.

Было уже часовъ девять вечера. Вѣтеръ то стихалъ, то поднимался съ новой силой. Богачъ, не торопясь, началъ одѣваться. Въ такую погоду непріятно выходить изъ теплой сторожки; но ничего не подѣлаешь, если ужъ такая служба. Богачъ считалъ себя чѣмъ-то въ родѣ чиновника надъ всѣми звѣрями, птицами и насѣкомыми, нападавшими на сады, огороды. Онъ воевалъ съ капустнымъ червемъ, съ разными гусеницами, портившими фруктовыя деревья, съ воробьями, галками, скворцами, дроздами-рябинниками, съ полевыми мышами, кротами и зайцами. И земля, и воздухъ были наполнены врагами, хотя большинство на

зиму умирало или засыпало по своимъ норамъ и логовищамъ. Оставался только одинъ врагъ, съ которымъ приходилось Богачу воевать, главнымъ образомъ, именно зимой. Это были зайцы.

— Какъ поглядѣть — такъ одинъ страхъ въ ёмъ, въ зайцѣ, — разсуждалъ Богачъ, продолжая одѣваться. — А самый вредный звѣрь... Такъ, Еремка? И хитрый-прехитрый... А погодка-то какъ разгулялась: такъ и мететь. Это ему, косому, самое первое удовольствие...

Нахлобучивъ шапку изъ заячьяго мѣха, Богачъ взялъ длинную палку и сунулъ за голенище валенокъ, на всякій случай, ножъ. Еремка сильно потягивался и зѣвалъ. Ему тоже не хотѣлось итти изъ теплой избушки на холодъ.

Сторожка Богача стояла въ углу громаднаго фруктоваго сада. Сейчасъ за садомъ начинался крутой спускъ къ рѣкѣ, а за рѣкой синѣлъ небольшой лѣсокъ, гдѣ главнымъ образомъ гнѣздились зайцы. Зимой зайцамъ нечего было ѣсть, и они перебѣгали черезъ рѣку къ селенью. Самымъ любимымъ мѣстомъ для нихъ были гумна, окруженные хлѣбными кладами. Здѣсь они кормились, подбирая упавшіе со стоговъ колосья, а иногда забирались въ самыя клады, гдѣ для нихъ было ужъ настоящее раздолье, хотя и не безъ опасности. Но всего больше нра-

вилось зайцамъ полакомиться въ фруктовыхъ садахъ молодыми саженцами и побѣми яблоней, сливъ и вишни. Вѣдь у нихъ такая нѣжная и вкусная кора, не то, что на осинѣ или другихъ деревьяхъ. Въ одинъ удачный набѣгъ зайцы портили иногда цѣлый садъ, несмотря на всѣ предосторожности. Только одинъ Богачъ умѣлъ съ ними справляться, потому что отлично зналъ всѣ ихъ повадки и хитрости. Много помогалъ старику Еремка, издали чужавшій врага. Кажется, ужъ на что тихо крадется заяцъ по мягкому снѣгу въ своихъ валенкахъ, а Еремка лежитъ у себя въ избушкѣ и слышитъ. Вдвоемъ, Богачъ и Еремка, много ловили каждую зиму зайцевъ. Старикъ устраивалъ на нихъ западни, капканы и разные хитрые петли, а Еремка бралъ прямо зубомъ.

Выйдя изъ избушки, Богачъ только покачалъ головой. Очень ужъ разыгралась погода и засыпала снѣгомъ всѣ его ловушки.

— Видно, придется тебѣ, Еремка, итти подъ гору...— говорилъ Богачъ смотрѣвшей на него собакѣ. — Да, подъ гору... А я на тебя погоню зайцевъ. Понялъ? То-то... Я вотъ обойду по загуменьямъ да и сигану ихъ на тебя.

Еремка въ отвѣтъ только слабо взвизгнулъ. Ловить зайцевъ подъ горой было для него самымъ большимъ удовольствіемъ. Дѣло происходило такъ. Зайцы, чтобы попасть на

гумна, пробѣжали изъ-за рѣки и поднимались на гору. Обратный путь для нихъ уже шелъ подъ гору. А извѣстно, что заяцъ лихо бѣжитъ въ гору, а подъ гору, въ случаѣ опасности, скатывается кубаремъ. Еремка прятался подъ горой и ловилъ зайца именно въ это время, когда заяцъ ничего не видѣлъ.

— Любишь зайчика-кубаря поймать? — дразнилъ собаку Богачъ. — Ну, ступай...

Еремка повилялъ хвостомъ и медленно пошелъ къ селенью, чтобы оттуда уже спуститься подъ гору. Умная собака не хотѣла пересѣкать заячью тропу. Зайцы отлично понимали, что значать слѣды собачьихъ лапъ на ихъ дорогѣ.

— Экая погодка-то, подумаешь! — ворчалъ Богачъ, шагая по снѣгу въ противоположную сторону, чтобы обойти гумна.

Вѣтеръ такъ и гулялъ, разметая кругомъ облака крутившагося снѣга. Даже дыханіе захватывало. По пути Богачъ осмотрѣлъ нѣсколько занесенныхъ снѣгомъ ловушекъ и настороженныхъ петель. Снѣгъ засыпалъ всѣ его хитрости.

— Ишь ты, какая причина вышла, — ворчалъ старикъ, съ трудомъ вытаскивая изъ снѣга ноги. — Въ такую непогодъ и зайцы по своимъ логовищамъ лежатъ... Только вотъ голодъ-то не тетка: день полежитъ, другой полежитъ, а на третій и пойдетъ

промышлять себѣ пропитаніе. Онъ, хоть и заяцъ, а брюхо-то — не зеркало...

Богачъ прошелъ половину дороги и страшно усталъ. Даже въ испарину бросило. Ежели бы не Еремка, который будетъ ждать его подъ горой, старикъ вернулся бы въ свою избушку. Ну ихъ, зайцевъ, никуда не дѣнутся. Можно и въ другой разъ охоту устроить. Вотъ только передъ Еремкой совѣстно: обмани его одинъ разъ, а въ другой онъ и самъ не пойдетъ. Песъ умный и прегордый, хоть и песъ. Какъ-то Богачъ побилъ его совсѣмъ напрасно, такъ тотъ потомъ едва помирился. Подождетъ свой волчій хвостъ, глазами моргаетъ и какъ-будто ничего не понимаетъ, что ему русскимъ языкомъ говорятъ... Хоть прощенья у него проси, — вотъ какой прегордый песъ. А теперь онъ уже залегъ подъ горкой и ждетъ зайцевъ.

Обойдя гумна, Богачъ началъ «гонъ» зайцевъ. Онъ подходилъ къ гумну и стучалъ палкой по столбамъ, хлопалъ въ ладоши и какъ-то особенно фыркалъ, точно загнанная лошадь. Въ первыхъ двухъ гумнахъ никого не было, а изъ третьяго быстро мелькнули двѣ заячьихъ тѣни.

— Ага, косая команда, не любишь!... — торжествовалъ старикъ, продолжая свой обходъ.

И удивительное дѣло, — каждый разъ одно и то же: ужъ, кажется, сколько зайцевъ при-

давилъ онъ съ Еремкой, а все та же заячья ухватка. Точно и зайцы-то одни и тѣ же. Ну, побѣги онъ, заяцъ, въ поле, — и конецъ. Ищи его, какъ вѣтра въ полѣ. Анъ, нѣтъ, онъ поровитъ непремѣнно къ себѣ домой, за рѣку, а тамъ, подъ горой, его ужъ ждутъ Еремкины зубы...

Богачъ обошелъ гумна и началъ спускаться съ горы къ рѣкѣ. Его удивило, что Еремка всегда выбѣгалъ къ нему навстрѣчу, а теперь стоялъ какъ-то виновато на одномъ мѣстѣ и, очевидно, поджидалъ его.

— Еремка, да что ты дѣлаешь?

Собака слабо взвизгнула. Передъ ней на снѣгу лежалъ на спинѣ молоденькій зайчикъ и безсильно болталъ лапками.

— Бери его!.. Кусь!.. — закричалъ Богачъ.

Еремка не двигался. Подбѣжавъ близко, Богачъ понялъ, въ чемъ дѣло: молоденькій зайчонокъ лежалъ съ перешибленной передней лапкой. Богачъ остановился, снялъ шапку и проговорилъ:

— Вотъ такъ штука, Еремка!..

II.

— Ну, и оказія! — удивлялся Богачъ, нагибаясь, чтобы лучше рассмотреть беззащит-

наго зайчишку. — Экъ тебя угораздило, братецъ ты мой!.. а? И совсѣмъ еще молоденькій!..

Заяцъ лежалъ на спинкѣ и, повидимому, оставилъ всякую мысль о спасеніи. Богачъ оцупалъ перешибленную ногу и покачалъ головой.

— Вотъ оказія-то... Еремка, что мы съ нимъ будемъ дѣлать-то? Прирѣзать, што ли, чтобы понапрасну не маялся.

Но и прирѣзать было какъ-то жалъ. Ужъ, если Еремка не взялъ зубомъ калѣку, посовѣстился, такъ ему, Богачу, подавно совѣстно беззащитную тварь убивать. Другое дѣло, если бы онъ въ ловушку попалъ, а то больной зайчишка, — и только.

Еремка смотрѣлъ на хозяина и вопросительно взвизгивалъ. Дескать, надо что-нибудь дѣлать...

— Эге, мы вотъ что съ нимъ сдѣлаемъ, Еремка: возьмемъ его къ себѣ въ избушку... Куда онъ хромой-то дѣнется? Первый волкъ его съѣстъ...

Богачъ взялъ зайца на руки и пошелъ въ гору. Еремка шелъ за нимъ, опустивъ хвостъ.

— Вотъ тебѣ и добыча... — ворчалъ старикъ... — Откроемъ съ Еремкой заячій лазаретъ... Ахъ, ты, оказія!..

Когда пришли въ избу, Богачъ положилъ зайца на лавку и сдѣлалъ перевязку сло-

манной лапки. Онъ, когда былъ пастухомъ, научился дѣлать такія перевязки ягнятамъ. Еремка внимательно слѣдилъ за работой хозяина, нѣсколько разъ подходилъ къ зайцу, обнюхивалъ его и отходилъ.

— А ты его не пугай... — объяснялъ ему Богачъ. — Вотъ привыкнетъ, тогда и обнюхивай...

Больной зайчикъ лежалъ неподвижно, точно человѣкъ, который приготовился къ смерти. Онъ былъ такой бѣленькій и чистенькій, только кончики ушей точно были выкрашены черной краской.

— А вѣдь надо его покормить, бѣднягу... — думалъ вслухъ Богачъ.

Но заяцъ упорно отказывался ѣсть и пить.

— Это онъ со страху, — объяснялъ Богачъ. — Ужо завтра добуду ему свѣжей морковки да молочка...

Въ углу подъ лавкой Богачъ устроилъ зайцу изъ разнаго тряпья мягкое и теплое гнѣздо и перенесъ его туда.

— Ты у меня, Еремка, смотри, не пугай его... — уговаривалъ онъ собаку, грозя пальцемъ. — Понимаешь: хворый онъ....

Еремка, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ зайцу и лизнулъ его.

— Ну, вотъ такъ, Еремка... Значить, не будешь обижать? Такъ, такъ... Вѣдь ты у меня умный песъ, только вотъ сказать не

умѣешь. Съ насъ будетъ и здоровыхъ зайцевъ.

Ночью Богачу плохо спалось. Онъ все прислушивался, не крадется ли къ зайцу Еремка. Хотя и умный песъ, а все-таки песъ, и полагаться на него нельзя. Какъ разъ сцапаетъ...

— Ахъ, ты, оказія, — думалъ Богачъ, ворочаясь съ боку на бокъ. — Ужъ, кажется, достаточно наглядѣлся на зайцевъ... Не одну сотню ихъ переколотилъ, а вотъ этого жалъ. Совсѣмъ, вѣдь, глупый еще... несмышленишъ...

И во снѣ Богачъ видѣлъ загубленныхъ имъ зайцевъ. Онъ даже просыпался и прислушивался къ завывавшей бурѣ. Ему казалось, что къ избушкѣ сбѣжались всѣ убитые имъ зайцы, лопочуть, по снѣгу кувыркаются, стучать въ дверь передними лапками... Старикъ не утерпѣлъ, слѣзъ съ печи и выглянулъ изъ избушки. Никого нѣтъ, а только вѣтеръ гуляетъ по полю и гудитъ на всѣ голоса.

— Ахъ, ты, оказія!.. — ворчалъ старикъ, забираясь на теплую печку.

Просыпался онъ по-стариковски, раннимъ утромъ, затоплялъ печь и приставлялъ къ огню какое-нибудь варево — похлебку, старыхъ щецъ, кашку-размазню. Сегодня было, какъ всегда. Заяцъ лежалъ въ своемъ уголкѣ неподвижно, точно мертвый, и не

притронулся къ ѣдѣ, какъ его Богачъ ни угощалъ.

— Ишь, ты, какой важный баринъ, — корилъ его старикъ. — А ты вотъ попробуй кашки гречушной; — лапка-то и срастется. Право, глупый... У меня кашу-то и Еремка вотъ какъ уплетаетъ, за ушами пищитъ.

Богачъ прибралъ свою избушку, закусилъ и пошелъ въ деревню.

— Ты у меня смотри, Еремка, — наказывалъ онъ Еремкѣ. — Я-то скоро вернусь, а ты зайца не пугай...

Пока старикъ ходилъ, Еремка не тронулъ зайца, а только съѣлъ у него все угощенье, — корочки чернаго хлѣба, кашу и молоко. Въ благодарность онъ лизнулъ зайца прямо въ мордочку и принесъ въ награду изъ своего угла старую обглоданную кость. Еремка всегда голодалъ, даже когда ему случалось съѣсть какого-нибудь зайчонка. Когда Богачъ вернулся, онъ только покачалъ головой: какой хитрый зайчишка — когда угощаютъ, такъ и не смотреть, а когда ушли, — такъ все до тла поѣлъ.

— Ну, и лукавецъ! — удивлялся старикъ. — А я тебѣ гостинца принесъ, косому плуту...

Онъ досталъ изъ-за пазухи нѣсколько морковокъ, пару кочерыжекъ, рѣпку и свеклу. Еремка лежалъ на своемъ мѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало; но когда онъ облизнулся, вспомнивъ съѣденное у зайца уго-